

ВИКТОР МАСЛОВ

ГРЕШНАЯ ЛЮБОВЬ

Наверное, все могло сложиться иначе, если бы я знал с самого начала, чья дочь Ле Ву Ань. Когда правда открылась, было слишком поздно. Я влюбился до безумия и не мог от нее отказаться.

Мы встретились на физфаке МГУ, где Ань училась. К моменту знакомства с Ань я уже был профессором, доктором физико-математических наук и автором теории, получившей за границей название Maslov-type index theory. Она широко применяется в абстрактной математике, а также в квантовой механике,

новый «востоковед!» В МГУ училось довольно много студентов из азиатских стран, в том числе граждане Вьетнама, охваченного войной. Им все сочувствовали и симпатизировали. На физфаке тоже были вьетнамцы, с которыми я сразу подружился, особенно с двумя девушками — Фук и Тинь. Фук была дочерью известного политика Во Нгуен

своим отпрыскам достаточно качественное образование в СССР, но боялись, что их могут шантажировать или похитить, чтобы оказать давление на родителей, и требовали конспирации. Наверное, на то были причины, хотя, по моему, вьетнамские лидеры перестраховывались. КГБ не ходил по пятам за их детьми, но знал, кто есть кто.

Сколько лет прошло... Целая жизнь. А прелестная принцесса, мелькнувшая в тот день в конце коридора, до сих пор стоит перед глазами

квантовой химии и оптике. Основным местом работы для меня был МИЭМ — Московский институт электронного машиностроения, — но физфак оставался родным домом: там я тоже когда-то учился и преподавал.

Сколько лет прошло... Целая жизнь. Многие события и впечатления стерлись из памяти, а прелестная принцесса, мелькнувшая в тот день в конце коридора, до сих пор стоит перед глазами. Незнакомая девушка поразила каким-то особым изяществом и грацией движений, и я пошел за ней, замороженный. У дверей лаборатории она остановилась и обернулась. На секунду задержала на мне взгляд черных глаз, улыбнулась и скрылась внутри. «Иностранка», — понял я. Решил, что из Индии.

Всегда нравились восточные женщины, что греха таить. Один из друзей-физиков шутил: «Маслов у нас круп-

Зиапа, в то время занимавшего пост министра обороны. Тинь — дочерью мэра Ханоя. Обе скрывали, кто их отцы, как и остальные студенты, принадлежавшие к вьетнамской знати и опасавшиеся политических интриг и провокаций со стороны советских властей.

Дело в том, что отношения между нашими странами носили специфический характер, несмотря на заверения в вечной дружбе, раздававшиеся с той и с другой стороны. СССР был заинтересован в расширении влияния в Азии, особенно в условиях усилившихся разногласий с Китаем, и ради этого оказывал щедрую помощь «братскому» Вьетнаму. А тот с удовольствием дружил с Большим братом, но не собирался жертвовать собственными интересами и становиться его придатком. Правители пользовались возможностью дать

Фук мне нравилась, я помогал ей с математикой, не раз приглашал в гости — и одну, и вместе с друзьями, — но между нами не было даже намека на роман. Симпатичная вьетнамка шарахалась от меня на людях как от огня.

Однажды вместе возвращались от машинистки, печатавшей Фук научную работу, — это я их познакомил. На оживленной московской улице девушка вела себя как партизанка в тылу врага: выглядела испуганной и все время оглядывалась по сторонам. Особенно нервировал ее общественный транспорт. Как только на горизонте показывался автобус или троллейбус, Фук норовила спрятаться.

— Что с тобой? — спросил я. — Чего ты боишься?

— Того, что там окажется гражданин Вьетнама!

— А что в этом страшного?

— Если увидят с русским, мне не поздоровится.

Стал расспрашивать. Оказалось, что вьетнамцам запрещено общаться с европейцами, или «долгоносыми», как их называли в народе. Испокон веков связь с ними осуждали и считали предательством. Девушку, идущую с «долгоносим» по улице, поливали бранью, а иногда и забрасывали камнями. Коммунисты, пришедшие к власти в Демократической Республике Вьетнам, как ни странно, хранили феодальную традицию. Нарушение запрета на общение с иностранцами влекло за собой общественное осуждение, проработку на партийных и профсоюзных собраниях и даже отправку в лагерь. За пределами Вьетнама его граждане тоже должны были соблюдать нравственные нормы,

принятые в родной стране. А по ним даже классический балет приравнивался к порнографии. Как потом рассказывала Ань, на балетных спектаклях в Большом театре дипломаты сидели с закрытыми глазами, чтобы не видеть «непристойные» танцы едва одетых балерин.

Вьетнамские друзья и познакомили меня с той самой прекрасной девушкой, она оказалась их соотечественницей. Ле Ву Ань интересовалась математикой и хотела более углубленно изучать этот предмет. Разумеется, я согласился ей помочь. Ань меня сразу очаровала, она была настоящей юной леди, непохожей на типичных вьетнамских женщин: достаточно высокой, белокожей, с совсем не раскосыми глазами. И держалась как царственная особа — очень просто, но с необыкновенным достоинством. В своей стране Ань считалась одной из первых красавиц. И у нас молодые люди всегда обращали на нее внимание.

Потом я узнал, что в жилах Ань кроме вьетнамской крови текла еще и китайская. Ее мать, Бай Вань, на четверть китаянка. Во Вьетнаме об этом не знали, семья скрывала «связь с Китаем». Правда, в детстве Ань какое-то время жила в этой стране. Подружкой ее была дочь Дэн Сяопина — приятеля отца и второго человека в Поднебесной после Мао. С Великим кормчим девочка тоже была знакома. Ань показывала фото: она на коленях у Мао Цзэдуна.

КАРАВАН КОЛЛЕКЦИЯ 135

**Мать Ань — Бай Вань —
на четверть китаянка**

Ради Ань я взялся вести на физфаке факультатив по математике. Вначале слушателей было много. Постепенно они начали отлынивать от занятий, и в конце концов мы остались вдвоем. Ань старалась, она была очень способной и трудолюбивой. Нас неудержимо влекло друг к другу. Стали встречаться — у меня дома и на даче в Красной Пахре. Занимались, слушали музыку, говорили на самые разные темы. Ань держалась гораздо свободнее своих подруг и ничего не боялась.

Маме моей она сразу понравилась. Впрочем, ей нравились все мои пассии. Матушка давно мечтала женить единственного сына.

У меня была довольно бурная личная жизнь и даже вне-

До приезда в Советский Союз Ань вела совсем другую жизнь, ездила с отцом за границу, где их принимали на самом высоком уровне

В молодости Бай Вань была хороша собой. Ле Зуан ради нее разошелся с первой супругой, на которой его женили родители. Он принадлежал к семье с сильными патриархальными традициями. Вторая жена была из интеллигентной семьи, но, как я уже упоминал, не могла похвастаться «чистым» происхождением. Ань стала их первым ребенком. Кроме нее у Ле Зуа-

на были дочери от первого брака и два сына от Бай Вань. Двое из его детей, сын Тхань и дочь Май, в то время тоже жили в Москве. Май была значительно старше Ань и присматривала за младшей сестрой. Она окончила советский вуз и была биологом. Несколько лет провела в Москве с мужем и дочкой. Но обо всем этом мне стало известно гораздо позже...

брачные дети. С одним из них — Сергеем Мажаровым — произошла трагедия, которую я тяжело пережил. О его убийстве, по-моему, писали все газеты. Сережа эмигрировал на Запад в начале восьмидесятых вместе с родителями. Обосновался в Париже, получил образование, открыл фирму и занялся информатикой. Сначала бизнес шел не слишком активно, но когда в

СССР началась перестройка, Сергей понял экономические проблемы нашей страны и оказался хорошим менеджером. После нескольких крупных сделок стал миллионером, обзавелся шикарной недвижимостью и даже собственным салоном моды. Жил на широкую ногу отдельно от жены — дочери писателя Анатолия Гладилина, родившей ему двоих детей. К моей детворе он относился с нежностью. Незадолго до смерти Сережа стал продюсером фильма «Лимита» Дениса Евстигнеева. Сергея убили двадцать второго ноября 1994 года в его апартаментах в центре Парижа: застрелили из пистолета-автомата через бронированную входную дверь. Французская полиция сочла это делом рук русской мафии. Насколько мне известно, преступление так и не было раскрыто...

До Ань я не стремился к серьезным отношениям, как будто чего-то ждал. И дождался — ни к одной женщине у меня не было таких чувств, как к ней. Она годилась мне в дочери — моложе ровно на двадцать лет, — но мы не ощущали разницы в возрасте. О себе рассказывала мало: приехала из Южного Вьетнама (к посольству этого государства Ань и была приписана для конспирации, тогда не существовало единой страны), жи-

ла в деревне в районе партизанских действий. В семнадцать вступила в компартию. Я потом шутил: «У меня жена — коммунистка с семнадцатого года». На самом деле, это было удивительно. Во Вьетнаме в таком юном возрасте в партию принимали крайне редко и только за осо-

бые заслуги. Не исключено, что Ань помогала партизанам и совершила какой-то подвиг. Она об этом умалчивала. Как и о некоторых членах своей семьи. Только однажды, когда мы уже жили вместе и она стала гораздо откровеннее, обмолвилась: «Мой дедушка работал князем». У Ань был

Ань с отцом. У Ле Зуана во Вьетнаме было огромное поместье с кучей прислуги

ИМЕНА

довольно забавный русский язык. Она смеялась: «Чем хуже я говорю по-русски, тем лучше ко мне относятся в СССР!» Наибольшую трудность у нее почему-то вызывали русские имена и фамилии. Помню, патронажная сестра спросила у Ань фамилию, имя и отчество нашей дочки. «Это я еще не выучила!» — абсолютно серьезно ответила она. Но я опять забегаю вперед...

Оставаясь со мной наедине, Ань вела себя скромно и очень сдержанно, но мне казалось, что она борется со своими чувствами. Однажды во время очередного свидания на даче чуть не потеряла голову. Не знаю, чем бы закончились поцелуи и объятия, если бы внезапно не прозвучал звонок в дверь. Пришел сосед. Мы разговаривали на крыльце минут пять, не больше, но когда я вернулся, в комнате никого не было. Ань выпрыгнула в окно — очнулась от любовного наваждения и убежала.

Я понимал, каким испытанием была для Ань любовь к европейцу. Но не осознавал масштаба стоявших перед ней проблем, среди которых были не только вековые традиции и нормы морали, но и внутрипартийные интриги, и запутанные международные отношения. Я ведь тогда даже не подозревал, что Ань — дочь генерального секретаря ЦК компартии Ле Зуана! По ее фамилии и имени вычислить это было невозможно. Как выяснилось впоследствии, на

физфаке кроме нескольких соотечественников о родстве Ань с вьетнамским вождем знал только один человек — замдекана по работе с иностранцами.

Наша любовь могла навредить отцу Ань и стать козырем для его противников. В спину ему дышал многолетний соперник — Чыонг Тинь, бывший до Ле Зуана генеральным секретарем ЦК компартии. Ле Зуан ориентировался на советскую модель развития страны. Чыонг Тинь — на китайскую. Ань считала,

что Вьетнам погибнет, если противник отца придет к власти. И для СССР это было крайне нежелательно. После смерти Ле Зуана Чыонг Тинь стал генеральным секретарем ЦК компартии Вьетнама, и ничего страшного не произошло.

Бедная девочка не знала, что делать. Она даже стала встречаться с вьетнамцем, учившимся на мехмате (я буду называть его Ваном), чтобы забыть обо мне, не понимая, что препятствия только усиливают настоящее чувство.

Однажды мы все-таки стали близки. Я сразу предложил Ань выйти за меня замуж.

— Это невозможно, — очень грустно ответила она. — Между нашими странами есть негласная договоренность, запрещающая браки советских и вьетнамских граждан.

— Я придумаю, как ее обойти.

— Нет, это невозможно!

сяца вместе с отцом Ань. Он встречается с Брежневым, — потихоньку сказала она.

Я чуть не рухнул, когда это услышал. С Брежневым в конце сентября должен был встречаться Ле Зуан. Пазл неожиданно сложился, мне стали понятны многие странности в рассказах и поведении любимой. Моя Ань — дочь вождя вьетнамских коммуни-

мезальянс, зато категорически воспротивился ее желанию остаться во Вьетнаме. Ань должна была получить диплом МГУ. До окончания физфака ей оставался всего год. И Ван хотел поступить в Москве в аспирантуру. Ань была вынуждена подчиниться, надеясь, что ее замужество все изменит и сделает невозможным продолжение нашего романа.

Я предложил Ань выйти за меня. «Это невозможно. Есть негласная договоренность, запрещающая браки советских и вьетнамских граждан»

— Почему?!

— Я вас не люблю!

Но по ее глазам я видел, что это не так. Решил не торопить события, дать Ань время подумать, разобраться в своих чувствах. А она пропала. Так бывало и раньше, когда Ань позволяла себе что-то «лишнее» и раскаивалась в этом поступке. Потом все возвращалось на круги своя. Но теперь я не мог ее найти. Вскоре начались летние каникулы. Студенты разъехались. С трудом дождался начала учебного года, но Ань не появилась в МГУ и после первого сентября. Я не выдержал и позвонил замдекана, курировавшей иностранцев:

— Вы не скажете, куда пропала студентка Ле Ву Ань, занимавшаяся у меня в факультативе? Она делала такие успехи.

— Ань вышла замуж за земляка, тоже нашего студента, и уехала на родину. Его зовут Ван. Они приедут в конце ме-

стов! Но как она могла предать нашу любовь?!

Позже Ань все объяснила. Когда мы стали близки и я предложил ей руку и сердце, она пережила сильный стресс и пожаловалась своему другу Вану. Сказала, что со мной она связана только дружбой: ну, да — было, но против ее воли и Ань об этом жалеет. Ван ее любил и предложил немедленно пожениться. Она была привязана к нему и согласилась, сказав, что постарается полюбить его сильнее. (Ань сказала именно так: «Постараюсь полюбить тебя сильнее».)

Этот брак стал ударом для Ле Зуана. Вождь, возможно, рассчитывал на более подходящую партию для любимой дочери. Ее внимания добивались несколько «принцев» из соседних стран. Ван был интеллигентным мальчиком, талантливым математиком, но не соответствовал Ань по статусу. Ле Зуан простил дочери

Когда она вернулась в Москву, я уговорил ее приехать на дачу — вместе с Фук. Ань не смогла отказать, но вела себя сдержанно. Я постарался разрядить обстановку. Шутил, рассказывал анекдоты, а потом предложил девушкам покататься на лодке, хотя погода стояла неважная — на дворе была поздняя осень. Когда мы причаливали к берегу, Фук неудачно повернулась и упала в воду. Я ее вытащил и бросился к ближайшему дому за теплой одеждой. Хозяева дали пару телогреек, в которые мы и укутали Фук. Я принес ее на дачу, растер спиртом, напоил ликером. Она согрелась и уснула. А мы с Ань были не в силах больше изображать только друзей. Она призналась, что хочет быть со мной, но не верит в такую возможность:

— Несколько лет назад власти не разрешили пожениться дочери нашего министра и сыну премьер-министра од-

Ле Зуан с Леонидом Брежневым, 1981 год

ванных лиц. Подносы с едой официантки носили через общий зал, и отдыхающие пытались подглядеть, чем кормят вьетнамскую принцессу. Ань огорчали советские порядки, но она была вынуждена с ними мириться.

В Пушкино она затосковала, стала просить, чтобы я приехал. Долго отказывался, говорил, что нас поймают, но все-таки поддался на уговоры. Приехал с собачкой — фокс-терьером, поселился по соседству с санаторием. И во время

Я не подозревал, что она — дочь генерального секретаря ЦК компартии Ле Зуана! По фамилии и имени Ань вычислить это было невозможно

ного европейского государства. Влюбленные покончили жизнь самоубийством. Таких случаев было много. Вы не представляете, сколько людей уже погибло из-за этой традиции!

— А у нас все будет хорошо! Мы поженимся! — успокаивал я Ань.

Конечно, мы не афишировали наши отношения, чтобы Ань не устроили проработку или того хуже — не депортировали на родину. Обычно о советско-вьетнамских романах довольно быстро становилось известно в посольстве. На влюбленных «стучали» бдительные сограждане. Нам же почти год удавалось

соблюдать конспирацию. Что доказывает: слезки за вьетнамскими «детьми» не было, по крайней мере — постоянной. Потом Ань забеременела и почему-то скрыла это от меня. Не береглась, видимо, поэтому и случился выкидыш. Я ходил к ней в больницу и безумно боялся, что все откроется и Ань увезут. И еще больше боялся за ее здоровье. Пусть увезут — лишь бы у Ань все было хорошо. В тот раз обошлось.

После больницы Ань отправили в Пушкино, в цековский санаторий. Она там занимала особое положение, конечно же, ее приписали к столовой для привилегиро-

одного из свиданий в лесу нас застукал сотрудник органов! Он сидел в кустах, а мой пес его там обнаружил.

— Вы за всеми следите или только за нами?

— За всеми, — успокоил сотрудник. — У нас же здесь гестапо.

Так все и открылось, совершенно случайно. Органы выяснили, кто я такой, и сообщили Ле Зуану, что у его дочери роман с советским физиком. Собрался семейный совет, на котором обсудили поведение Ань. Но родственники ее побаивались, она была слишком смелой и независимой. Даже отца могла критиковать. По-моему, Ань была

бóльшим коммунистом, чем сам Ле Зуан.

Для начала решили ограничиться проработкой, отрядили специального гонца — друга семьи, находившегося в Москве. Он пригласил Ань в Большой театр на балет «Анна Каренина». Как оказалось, не случайно. Напоминая Ань о долге перед семьей, «посол доброй воли» сослался на судьбу толстовской героини: «Видишь, как кончают свою жизнь женщины, изменяющие мужьям?» Ань с трудом сдержала смех.

Ле Зуан не смог применить насилие и депортировать лю-

бимую дочь. В конце концов она состояла в браке и должна была находиться вместе с мужем в Москве. На какое-то время все улеглось, но расслабляться не стоило, надо было как можно скорее зарегистрировать наш брак.

Ван не хотел давать развод. Возможно, дело было не только в его чувствах, но и в интересах отца, карьера которого после женитьбы сына пошла в гору. Я просил Ань проявить мудрость и дипломатичность и постараться договориться с мужем, но она не хотела хитрить. В результате этой борьбы с собой обострились ее от-

ношения с Ваном. Но когда Ань опять забеременела, вопрос встал ребром. Ей пришлось действовать, дабы не оказаться в двусмысленном положении: если бы Ань на момент рождения нашего ребенка оставалась женой Вана, вьетнамская сторона могла предъявить на него права.

Она пообещала Вану, что во Вьетнаме никто не узнает об их разводе: «Я сохраню это в тайне, и мы с тобой останемся друзьями. Ты ведь говорил, что любишь. Неужели хочешь, чтобы я тебя возненавидела?» Парень сдался. Он по-прежнему любил Ань. Они оформили

Ань с отцом на экскурсии в Москве

Наша свадьба

вители местного Совета народных депутатов. Я решил этим воспользоваться и оформить брак в Троицке. В подмосковном Академгородке у меня было много друзей во всех институтах. Конечно, если бы они знали, кто невеста, то вряд ли рискнули бы помогать мне с женитьбой. Пришлось ловчить, обманывать и даже состряпать поддельное разрешение на брак из вьетнамского посольства. А самое главное — оформить мне для верности прописку в Троицке. Хотя по закону о браках это было не обязательно.

У меня было много друзей. Конечно, если бы они знали, кто невеста, то вряд ли рискнули бы помогать с женитьбой. Пришлось ловчить

развод в московском ЗАГСе для иностранцев, но их развели как рядовых вьетнамцев и Ле Зуану ничего не сообщили. Информировать вьетнамское посольство тоже никому и в голову не пришло. Ван очень тяжело переживал разрыв, даже попал в неврологическую клинику.

Мы скрывали беременность Ань, чтобы никто не помешал ей родить и зарегистрировать ребенка в СССР. В университете я устроил ей «командировку» на несколько месяцев в киевский вуз и помогал звонить «из Киева» сестре Май (Ань через нее поддерживала связь с семьей) и

отправлять письма родным с киевским штемпелем, чтобы их запутать. Всю беременность Ань жила у меня на даче и пряталась, если кто-то приходил.

В эпоху застоя браки жителей Москвы и Московской области с иностранными гражданами оформляли только два ЗАГСа — один в Москве, другой в Загорске — видимо, для того, чтобы их было легче контролировать КГБ. В этих двух учреждениях нам делать было нечего. Но по тогдашнему законодательству при отсутствии ЗАГСа в каком-либо населенном пункте брак могли зарегистрировать предста-

В то время я строил гараж на даче — довольно «монументальный», с большой жилой пристройкой. Одна из ее стен вышла полукруглой. Окна пришлось сделать длинными и узкими, как бойницы, я укрепил на них железные прутья. В комнате с «бойницами» появилась еще и железная дверь. Получилась настоящая крепость, что позже сыграло свою роль.

Гараж по советским законам можно было оформить только по месту прописки. Пошел к начальнику троичкой милиции:

— Хочу прописаться на даче, чтобы оформить гараж. Это возможно?

— Нет проблем! Выписывайся с московской жилплощади и приходи в наш паспортный стол.

Я выписался, но начальник паспортного стола потребовала разрешение на прописку от председателя Троицкого исполкома, с которой у меня были самые теплые отношения. К тому же она уходила в отпуск, поэтому с легкостью подмахнула соответствующую резолюцию на моем заявлении. А я тут же попросил разрешение на срочное заключение брака по месту новой прописки: «Ждать не можем. Невеста на сносях. Есть справка из женской консультации». Председательница написала: «Прошу срочно оформить брак после решения исполкома о прописке». И уехала отдыхать.

С этой бумажкой я пошел к депутату, отвечавшему за оформление браков (он был свой человек), и признался, что хочу жениться на иностранке, но вынужден это скрывать, чтобы не вылететь из закрытого НИИ. Тот пообещал, что все будет в ажуре, тайну он сохранит и обрабатывает секретаря исполкома — очень милую пожилую женщину. Я обрадовался, и тут случилось непредвиденное. За несколько дней до регистрации эту даму сняли и посадили на ее место комсомольского работника из Подольска, очень активную осо-

бу. Я испугался, что она сорвет свадьбу.

Обратился к друзьям: надо нейтрализовать одну девушку, познакомиться, обворожить и увезти на день, чтобы она передала дела депутату. Зачем, конечно, не сказал. Один из молодых ученых — красавец и любимец женщин — взялся помочь. На следующий день позвонил: «В субботу ее не будет, она уже отпросилась. Только достаньте нам билеты на какой-нибудь крутой концерт». Отправил их на немецкий джаз.

Депутат не подвел, поженнил нас как и обещал — «без шума и пыли». А я до самого последнего момента боялся какой-нибудь неприятной неожиданности. Булат Окуджава предлагал: «Если возникнут препятствия, звони мне. Я привезу иностранных журналистов, и мы поднимем та-

кой шум, что им мало не покажется!» Окуджаву я знал с малых лет. Наши матери были как сестры. В семье Булата маленьким жил целых полгода в их квартире на Арбате. Почему — точно не знаю. Время было смутное — 1937 год, многие тогда по разным причинам меняли место жительства, пытались скрыться от ареста. У Булата как раз забрали отца — Шалико. Моя мама развелась с отцом и вышла замуж за Бориса Федоровича Поршнева, выдающегося историка и философа. Отчим в моей жизни сыграл колоссальную роль. Я его очень любил. Какое-то время мною занимались мама Булата Ашхен Степановна и бабушка Мария Вартановна. Ашхен и потом всегда помогала. Она была и на нашей свадьбе с Ань.

Праздновали на даче. Там собрались только самые близ-

Ань со старшей дочерью Леной

кие друзья и родственники. Мама подарила невестке свое кольцо с бриллиантами. Очень изящное, «интеллигентное», но Ань стеснялась его надевать. Она была скромницей. Еще один мамин подарок — бусы из крупных жемчужин неправильной формы — Ань вообще носила пряча под одеждой.

Брак оформили на удивление быстро, а вот с пропиской вышла целая история. Сначала

заартачилась начальница Троицкого паспортного стола. Заявила, что выписка не дает права на прописку, как и разрешение председателя исполкома, и отправила в Москву в областное УВД. Там меня стали гонять по кругу. Я очень долго обивал пороги самых разных кабинетов, но все было напрасно. Помогла двоюродная сестра Окуджавы. Эта чудная женщина, которую

я даже ни разу не видел, училась вместе с заместителем начальника УВД Московской области. Он наконец и дал мне разрешение на прописку в Подмоскowie.

В советское время все делалось по знакомству. Я и Ань положили в только что открывшийся в Москве роддом по рекомендации моих знакомых — без документов. Доктор, принимавший роды,

Ань очень изменилась после рождения Лены. Постоянно тряслась от страха. Ждала похищения, боялась черных машин и соотечественников

замечательный хирург, не знал, кто она такая. Я сказал, что мы любовники и хотим обмануть ревнивого мужа, Ань изменила ему, когда тот был в длительной командировке. Семь месяцев назад муж приезжал в Москву в отпуск, а потом опять уехал. Поэтому нам нужна справка, что ребенок родился семимесячным. На самом деле эта бумажка служила страховкой от возможных притязаний вьетнамской стороны. Ань оформила развод на втором месяце беременности, и при желании можно было заявить об отцовстве Вана. Анализ ДНК тогда не было и в помине. Гинеколог без проблем подмахнул нужную справку. Он был очарован Ань. Ну и, разумеется, я ему был очень благодарен.

Я с дочерьми

Ань с братом Тханем, его женой и нашими детьми — Леной и Таней

Тридцать первого октября 1977 года Ань родила дочь, которую мы назвали Еленой в честь близкой подруги Ань — Лиен, дочери их министра юстиции, которая нам во многом помогла, в частности с поддельным разрешением на брак. Я тут же зарегистрировал ребенка в Троицке, и только после этого можно было считать, что «программа-минимум» выполнена.

Незадолго до родов в Москву приехал Ле Зуан. Он не смог сразу встретиться с Ань. Это привело его в бешенство. Где дочь? Обычно Ань привозили в день приезда отца сотрудники международного

отдела ЦК КПСС. Но в этот раз они не смогли ее найти — ни в Киеве, где она официально находилась в командировке, ни в Москве. Куратор объяснил, что она где-то с Масловым. Когда через неделю Ань с дочкой выписали из роддома, она тут же сама отправилась к Ле Зуану, чтобы все рассказать. Я ее отговаривал, но она не послушалась.

Ань встретила с отцом в правительственной резиденции на Ленинских горах. Ле Зуан стал уговаривать дочь вернуться домой, чтобы оформить развод с Ваном, о котором она сама когда-то просила. Она же сказала, что уже

давно с ним рассталась и вышла замуж. Ле Зуан побагровел от гнева и стал кричать, что во всем виновата дурная китайская кровь, доставшаяся ей от матери. Ань это страшно возмутило, она не выносила национализма. Но перечить Ле Зуану не стала. Просто повернулась и ушла.

Когда на улице она направилась к остановке общественного транспорта, за ней двинулась черная «Волга», стоявшая неподалеку. Ань прибавила шаг. Водитель тут же нажал на газ. Она побежала — и «Волга» прибавила скорость. Неизвестно, что было бы дальше, если бы Ань

Наш Антон

жили, подглядывал, подслушивал и был вынужден констатировать: это любовь.

Отец не простил дочь. Мне рассказывали, что в доме Ле Зуана запрещалось говорить об Ань и даже произносить ее имя. Но ее детские подарки лежали на его письменном столе. Когда один из них пропал, Ле Зуан устроил скандал. Значит, не разлюбил...

Ань очень изменилась после рождения Лены. До этого была смелой, независимой, а

Мое сознание отказывалось верить в то, что произошло. Однажды проснулся среди ночи в панике. Во сне пришло озарение: Ань отравили

не вскочила в подъехавший троллейбус. Дома она появилась вся в слезах. Рассказала, как испугалась, когда ее стала преследовать машина:

— Думала, сейчас схватят и увезут!

— Ты же говорила, что отец на это не пойдет.

— А сегодня поняла, что он ставит общественные интересы выше личных. Значит, я обречена.

Утешал ее, а она плакала и твердила: «Я погибла! Погибла!»

На другой день Ань позвонила сестре Май. Та рассказала, что отец очень переживает из-за того, что вспылит. Он всю ночь не спал и хочет помириться. Ань ответила: «Лучше поздравь нас. У нас родилась дочь». Сестра не повери-

ла, решила, что Ань это придумала, чтобы отец признал ее брак. Они договорились встретиться у нас дома и вместе поехать к отцу. Увидев Лену, Май расплакалась и предложила Ань остаться дома. Она сама все расскажет. Отец был потрясен, когда узнал о внучке.

Ле Зуан долго не мог смириться с тем, что дочь его ослушалась, нарушила закон и вышла замуж за иностранца. Он обратился к Суслову, которого близко знал, с просьбой выяснить, что связывает со мной Ань — мимолетное увлечение или настоящая любовь. Тогда КГБ приставил к нам «специалиста по любви». Он тайком бродил вокруг дачи, на которой мы

теперь постоянно тряслась от страха. Все время ждала нападения, похищения, боялась черных машин и своих соотечественников. Говорила, с ними лучше не встречаться, по-тащат на собрание — про-рабатывать. Родственники ее травили, называли предательницей. Постоянно звонили и присылали гневные письма. Ань была подавлена, считала, что на ней страшный грех и она будет наказана.

Раньше Ань не очень хотела сидеть в комнате с бойницами, а теперь постоянно запиралась там вместе с Леной, когда я уезжал по делам в Москву. И брала с собой мое охотничье ружье. Ань говорила, что эта комната — самое безопасное место на даче. Она

не простреливается с улицы, зато изнутри очень удобно вести огонь. Видимо, вспомнила партизанскую юность.

Однажды напугала меня до смерти. Спряталась вместе с Леной. Приезжаю на дачу, а там никого нет. Меня чуть инфаркт не хватил, думал, их похитили. А она выходит и смеется.

Как-то разговорился с солдатиком из стройбата. Он хотел мне продать пистолет, из которого можно стрелять дюбелями в бетон. Я спросил, на каком расстоянии. Солдат заинтересовался: «А вам надо на расстоянии? Могу продать автомат с патронами». Я, конечно, отказался. Когда со смехом рассказал Ань о разговоре, она неожиданно заметила:

— А что, надо было купить.

— С ума сошла? Могут посадить.

— Зато мне было бы спокойнее. Ты не понимаешь, отец пойдет на все. Наш брак подрывает его авторитет в партии и играет на руку противникам Ле Зуана. Если они его скинут, страна погибнет.

— Он тебя любит и не станет разрушать твоё счастье.

— Любит, и я его очень люблю. Но интересы страны важнее. Я всегда знала, на что иду. Пока не было Лены, не боялась, а теперь мне страшно. Один ты не справишься с ребенком.

Вскоре девочка заболела, потребовалась госпитализа-

ция. Перед тем как лечь с ней в больницу, Ань отдала мне официальное заявление: «Если меня увезут, одну или с дочерью, и отправят в посольство Вьетнама, знайте, это сделано насильно, против моей воли, что бы ни говорили родственники или посольство. Я хочу жить со своим мужем Виктором Масловым в СССР и хочу, чтобы он воспитывал нашу дочку и привил ей русскую культуру». Я спрятал бумагу в надежное место.

Большую часть времени мы жили на даче и практически не расставались. Я стал меньше преподавать, старался работать дома. По ночам иногда смотрел на спящую жену и думал: «Господи, за что мне это счастье? Я не заслужил». Словно чувствовал, как мало времени нам отпущено...

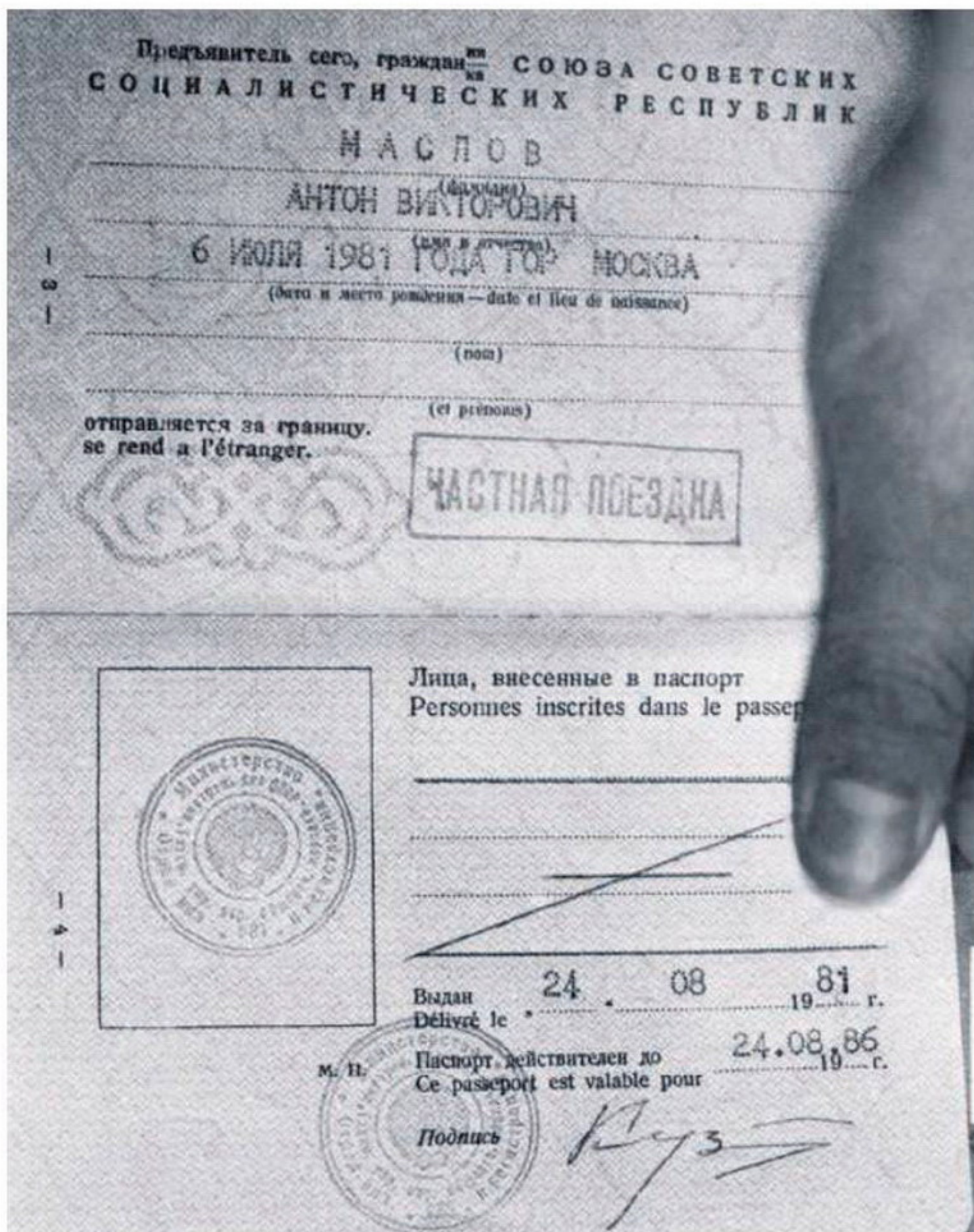
Поначалу я опасался, что Ань скучает по семье и родине. Однажды и мой друг академик Мищенко спросил ее об

этом. «Я скучаю, только когда бывают гости», — со свойственным ей прямодушием ответила Ань. Она не любила шумные компании, обильные возлияния. Я видел, что Ань неприятно пьяное веселье, хотя она и не выказывала недовольства, и постепенно отказался от алкоголя. Она вообще не употребляла спиртное.

С Ань я изменился, помолодел, казалось, сбросил лет пятнадцать. Никогда еще не работал так продуктивно. Мы почти нигде не бывали (кураторы из международного отдела ЦК КПСС не рекомендовали появляться в общественных местах), но не чувствовали себя чем-то обделенными. К Ань приезжали подруги, сестра. Она ездила в Москву в университет, ухитрилась окончить аспирантуру. Ань была гораздо более работоспособной, чем я, и, наверное, занималась бы наукой, если бы все сложилось иначе.

Бай Вань сделала все, чтобы забрать у меня сына

В аэропорту я ухитрился стащить паспорт Антона у пограничника и сфотографировать все страницы

ди по даче. Заходите, будем рады.

— Я там бываю нечасто, — поскуцнел Высоцкий, — это Марина любит дачу, а я не очень. Да и некогда.

Наша встреча с Высоцким состоялась незадолго до его смерти. Он выглядел уставшим и нездоровым. Но старался держаться молодцом перед вьетнамской красавицей. Она не поняла причины его внимания. Когда вышли с концерта, спросила:

— А что он хотел?

— Тебе понравиться, — ответил я. — Увидел интересную женщину и распустил перья!

Я гордился тем, что Высоцкий отметил Ань. Мне было приятно, когда на нее бросали восхищенные взгляды. Она не

По-русски сын не говорил, меня дичился и не отходил от няни, которая пресмыкалась перед ним. Во Вьетнаме он был настоящим принцем

Она успела защитить диссертацию и стать кандидатом физико-математических наук.

Один раз, помню, ходили на концерт Высоцкого, выступавшего у нас в МИЭМе. Сидели далеко не в первом ряду, но после выступления артист сразу подошел к Ань. Он ее заметил, когда пел, все время поглядывал. Ань удивилась, подумала, что певец ее с

кем-то перепутал. А Высоцкий рассыпался в комплиментах, предлагал продолжить общение, словом, вел себя так, будто меня рядом нет. Я постарался его осадить. И когда он поинтересовался у Ань, все ли ей понятно в его песнях, ответил за нее:

— Ну, с ней ведь муж. Я могу объяснить. Между прочим, мы с вами практически сосе-

любила привлекать внимание, но могла быть очень эффектной. Умела одеваться, принимать гостей. Я иногда жалел, что не мог дать ей то, чего она заслуживала. До приезда в Советский Союз Ань вела совсем другую жизнь, ездила с отцом за границу, где их принимали на самом высоком уровне. Да и во Вьетнаме у Ле Зуана было огромное поместье с кучей

прислуги. Но Ань не жаловалась и, по-моему, не страдала от отсутствия привычного комфорта, сама убирала, готовила еду. Стирал я — в старенькой машине Завода имени Владимира Ильича — ЗВИ. Она ужасно гремела и постоянно текла, мы раз десять заливали соседей в московской квартире. Когда появилась вторая дочка и Ань стало сложнее справляться с бытом, взяли помощницу по хозяйству и няню.

В тридцать, будучи матерью двоих детей, Ань выглядела на восемнадцать. Я не мог ею налюбоваться. Однажды испытал приступ жуткой немотивированной ревности. Мы стояли в очереди в магазине. Перед нами — высокий молодой человек. Писаный красавец. Глядя на него, я почувствовал, как екнуло сердце: сейчас Ань обратит на него внимание, сравнит со мной и сделает выводы... Но она на красавчика не отреагировала. На улице я спросил:

— Ты видела, какой парень стоял перед нами? Просто Ален Делон.

— Да? — удивилась Ань. — Я и не заметила.

Май ей говорила:

— Зачем тебе Маслов? Он же старый! Посмотри, сколько вокруг молодых интересных мужчин!

— А для меня никого другого не существует, — отвечала Ань.

Татьяна, наша вторая дочка, родилась в апреле 1979 года. После этого отношения Ань с родственниками улучшились. Они, очевидно, поняли, что у дочери все серьезно, и прекратили нападки. Даже попросили у Ань прощения — все, кроме отца. Мать, Бай Вань, приезжала в Москву и бывала у нас в гостях — и на даче, и в московской квартире на улице Дмитрия Ульянова.

Благодаря нашей истории произошли важные изменения не только в жизни семьи Ле Зуана, но и целой страны. Во Вьетнаме приняли закон,

разрешавший браки с иностранцами. Ань сразу позвонила подруге, у которой был роман с восточным немцем: «Ты настоящая героиня! На тебя будут молиться тысячи людей! Дай тебе бог счастья!»

После примирения с семьей Ань решила познакомиться отца с его старшей внучкой. Когда Ле Зуан в очередной раз приехал в Москву, отправилась к нему с Леной. Он ее сразу полюбил. Попросил, чтобы они с Ань остались с ним до самого отъезда. Девочка сначала дичилась, но постепенно привязалась к де-

Таким Антон приехал из Вьетнама

В Беловежской Пуще мы скрывались несколько месяцев

душке. Он распорядился спрятать все бананы в доме и угощал Лену ими лично — завоевывал внуку.

Ле Зуан всегда просил привезти к нему Лену, когда бывал в Москве. А встречаться со мной не хотел категорически. Помню, я возил Ань с дочкой к тестю на бывшую дачу Хрущева на Рублевку и, пока они были у бабушки, ждал в машине. Лену Ле Зуан водил в цирк и вместе с Ань брал с собой на церемонию открытия московской Олимпиады. Девочка капризничала и в самый торже-

ственный момент закричала: «Мама, хочу в туалет!»

В другой раз во время обеда, сидя за столом рядом с Ле Зуаном, в момент разговора о начале войны Вьетнама с режимом красных кхмеров в Кампучии Лена вдруг спросила: «Дед, а ты зубы не обломаешь?»

Какая ассоциация возникла у ребенка, что она в момент острой дискуссии задала такой вопрос? У нас дома обсуждалась проблема войны с режимом Пол Пота — Иенг Сари. Может быть, Лена запомнила фразу, которую я когда-то

произнес? Ань хорошо относилась к Иенг Сари, второму человеку кампучийского режима. Возможно, в разговоре на вьетнамском приеме было произнесено это имя, что и вызвало у Лены ассоциацию. А может быть, дед в этот момент просто обгладывал косточки рябчиков? Переводчик понял вопрос именно в переносном смысле, запнулся, но постарался максимально точно передать смысл фразы. Ле Зуан не смутился. Оскалил крепкие зубы и показал Лене. Разрядил обстановку.

Ань тоже была очень непосредственной и запросто открывала отцу советские «секреты». Тем более что он умел спрашивать. Как-то отец сказал, что, по словам Брежнева, в стране собрали рекордный урожай хлопка. «А у нас все простыни дырявые», — заметила Ань. Буквально на следующий день сотрудник вьетнамского сектора международного отдела ЦК КПСС отвел Ань в знаменитую двухсотую секцию ГУМа, где отоваривались только избранные. У нас появилось новое белье.

Ань не любила пользоваться привилегиями, но все-таки покупала вещи в закрытой сек-

ции ГУМа, а я получал продовольственные заказы, которые ей полагались. У отца она не брала ни копейки, даже когда училась в МГУ. Наши власти предлагали ей просторную квартиру в центре Москвы, но она отказалась. Взяла типовую трехкомнатную в панельном доме в Беляево. И то — на всякий случай, чтобы было где жить и работать, если мы вдруг повздорим.

Но мы жили дружно. За все время поссорились только пару раз. Точнее, это она считала, что мы в ссоре. В первый раз Ань надулась, потому что я подвез на машине двух девушек, хотя у нас в поселке при-

нято подвозить попутчиков. Но Ань рассердилась.

В другой раз вообще случилось недоразумение. Я слушал вечером «вражеские голоса». Ань сидела со мной, но она не понимала по-английски, поэтому быстро соскучилась и ушла в детскую. Я подумал, что мои девочки легли спать, и закрыл дверь плотнее, чтобы их не разбудить. А потом сам задремал. Ань вышла из детской, толкнула дверь, но не смогла ее открыть. Решила, что я не хочу ее видеть. Обиделась и утром уехала к Май. Вечером Ань вернулась, и мы помирились. Она не могла находиться со мной в состоянии конфликта.

Надеялся на лучшее. Думал, Горбачев не захочет второго Сахарова. Чтобы отвоевать детей, я был готов на все, даже на международный скандал

Родные удивлялись, как изменился характер Ань. Раньше она была несговорчивая, упрямая, а теперь во всем слушалась мужа. Мать, Бай Вань, пытаясь настроить Ань против меня, как-то высказала свое недовольство тем, как скромно мы живем. Ань объяснила: «Он почти все тратит на дачу. Постоянно что-то достраивает и ремонтирует. Я не

Одна черепаха — плохой знак. Странно, что отец об этом не подумал.

— А он и не должен думать о таких глупостях. Твой отец коммунист.

— Да, но он чтит традиции и знает, что это знак смерти. Что-то случится...

УЗИ показало, что у нас будет мальчик. Ань неважно себя чувствовала, и я предложил

задержится — из Троицка и Москвы. Троицкая примчалась первой, но она могла отвезти Ань только в Подольск. Я попросил доставить ее в Москву, в роддом № 25, располагавшийся поблизости от нашего дома на улице Дмитрия Ульянова. Когда добрались, выяснилось, что он толком не работает, половина здания на ремонте. Дежурная

Когда мы поженились, Ира решила не заводить еще одного ребенка, чтобы не стать мачехой, а полностью заменить мать Лене, Тане и Антону

могу ему в этом отказать. Другие мужья деньги пропивают, а он строит».

Ань взялась сама ухаживать за моей мамой, когда у той случился инсульт, и очень умело справлялась. Возможно, она выполняла функции сестры милосердия во время войны. Осенью 1980 года Ань в очередной раз забеременела, ведь я мечтал о большой семье. В мае 1981-го маме стало лучше, ее выписали из больницы. Мы переехали на дачу, я нанял сиделку, она спала рядом с больной и учила ее ходить и говорить. У детей была няня, которую по просьбе Ань прислали из Вьетнама, чтобы девочки общались с ней на языке. Ле Зуан передал с ней сувенир — панцирь черепахи. Ань была очень напугана, когда увидела отцовский подарок:

— Таких черепах дарят парой. Это символ любви и счастливой семейной жизни.

ей заранее лечь в роддом «кремлевского» Четвертого управления на улице Веснина. Она там рожала Таню и осталась в принципе довольна. У Ань тогда была отдельная палата с телевизором и телефоном, она могла спокойно работать над научной статьей. Гинеколог была потрясена: «Какая женщина! Даже в роддоме занимается наукой!»

Но она не захотела ложиться в эту клинику, все чего-то боялась. Однажды сказала, что умрет при родах:

— Во Вьетнаме скоро выборы. Ради избрания моего отца они пойдут на все.

— Кто «они»?

— Те, кому всегда мешала наша любовь.

Я не верил предчувствиям, считал их причудой беременной женщины.

В ночь с пятого на шестое июля у Ань начались схватки. Я для верности вызвал сразу две «скорые» — вдруг какая-то

взяла карту Ань, увидела, что женщина прикреплена к Четвертому управлению, и тут же вызвала оттуда «скорую». Ань все-таки отвезли на улицу Веснина. Там ее сразу осмотрел врач и сказал, что все в порядке, роды протекают нормально. Я собрался ждать в приемном покое и вдруг вспомнил, что мама фактически одна на даче. Сиделку мы отпустили накануне, а вьетнамская няня не говорила по-русски. Помчался туда. На даче все было в порядке, но вот только мама сказала, что московская «скорая» так и не приехала. Это было странно.

В семь утра Ань родила мальчика. Мне позвонили из роддома сообщить об этом, я спросил, как состояние матери, но на другом конце провода молчали. После длинной паузы предложили приехать и поговорить с врачом. В Москве выяснилось, что у Ань сильнейшее кровотечение, остановить

его пока не удастся. «Мы делаем все возможное, — обнадежил врач. — Кровь скоро должны подвезти. Вам лучше поехать домой. Ждать здесь не имеет смысла».

Я отправился к знакомым медикам, посоветоваться. Они не обрадовали, сказали, что в таких случаях сразу удаляют матку. Но кремлевские врачи наверняка боятся брать на себя такую ответственность, пациентка-то не простая.

Вернулся в роддом. Ань в это время уже делали операцию. На нее вызвали главного хирурга Четвертого управления. Как только он вышел из операционной, я бросился к нему:

— Она не умрет?

— Организм молодой. Будем надеяться на лучшее...

Через пару часов Ань скончалась. Мне разрешили войти в ее палату. Ань лежала на кровати, накрытая просты-

ней, — такая красивая, будто просто спала. К горлу подступил комок, я опустился на колени и поцеловал руку любимой. Простыня сдвинулась, открыв тело жены, покрытое сине-красными пятнами. Я закричал от ужаса. Ко мне подбежали люди, подхватили и вынесли в коридор...

В последний раз увидел Ань на прощании в крематории — через десять дней. Решение о кремации принимал не я. Меня вообще никто не спрашивал, как хочу похоронить жену. Почему ждали так долго, осталось загадкой. Возможно, в Москву тайно приезжал Ле Зуан. Я его не видел, а мать прилетела сразу. Прах Ань отправили во Вьетнам. Урна хранится у Бай Вань в специальной комнате.

За детьми после смерти Ань ухаживала мать Булата, дорогая Ашхен Степановна, уже очень старая и больная. Она пробыла у нас три недели. А я первое время пребывал в каком-то забытии, тумане. Мое сознание отказывалось верить в то, что произошло. Однажды проснулся среди ночи в панике. Сердце выскакивало из груди. Во сне пришло озарение: Ань отравили. Поделился догадкой с врачами. Они не исключали такой возможности, но считали, что сине-красные пятна на коже могли возникнуть и при сильном кровотечении. Спустя много лет, когда я лежал с инфарктом в кардио-

Ира с Таней

логической клинике и наблюдал, как больным для разжижения крови вводили гепарин и у них появлялись такие же пятна, возникла еще одна, на мой взгляд, достаточно правдоподобная версия: кровотечение было вызвано искусственно, инъекцией этого препарата. Не зря Ань предчувствовала беду. И истекла кровью...

На похоронах ее мать безумно переживала. Она сказала, что отец Ань просто убит и хочет мне помочь — забрать детей во Вьетнам. «Ни за что!» — ответил я. Подарил ей жемчужное ожерелье, которое хранило тепло тела Ань. Она взяла его с тем, чтобы потом передать жене внука, когда он вырастет и женится.

Я скрывал смерть Ань от своих близких. Моя мама была слишком больна, а дочери — малы. Мама, видимо, что-то почувствовала, и у нее случился повторный инсульт, от которого она уже не оправилась. Лене я сначала говорил, что Ань в больнице, потом — что она уехала, но девочка тоже все поняла. Однажды отвела в сторону и шепотом спросила: «Папа, маму зарыли?» Лена все время жаловалась, как ей плохо без матери, плакала: «Папа, поезжай во Вьетнам, купи нам маму!»

Бай Вань решила задержаться в Москве. Попросила привезти в гости Таню, сказала, что отправит девочку домой с няней на следующий

день. И не отправила. Два дня я звонил теще, но ее не подзывали к телефону, ссылаясь на какие-то важные государственные дела. Сначала я не особенно волновался, а потом понял, что она пытается осуществить свое намерение — отнять у меня детей. Не без труда раздобыл адрес тещи, взял в помощники и переводчики коллегу, знавшего французский, и поехал вызволять дочь. Бай Вань не хотела отдавать Таню, даже когда я сказал, что моя мама при смерти и хочет попрощаться с внучкой. Пришлось пообещать, что я привезу к ней обеих девочек, если бабушка умрет, чтобы они не видели приготовлений к похоронам.

Мама умерла буквально на следующий день. Тут же примчалась теща: «Внучки поживут со мной!» Объяснил, что они больны. У Тани действительно поднялась температура. Бай Вань предложила организовать ей лечение в своих апартаментах, но я не согласился.

Я знал, что она опять явится на дачу в день похорон, когда меня не будет дома, и поэтому отправил Лену к знакомым, а Таню запер с нашей родственницей в комнате с бойницами и предупредил, чтобы они никому не открывали, особенно бабушке. Няне велел говорить, что обе девоч-

Бракосочетание Тани и Роберта (слева)

Таня с мужем на Ямайке

На даче милиционер принял Таню за нелегальную эмигрантку из Средней Азии, а меня обвинил в «укрывательстве». Таких ситуаций было много...

ки у моих друзей. Как только я уехал в крематорий, на даче появилась Бай Вань. Девочек она не нашла и удалилась в страшном гневе.

С сыном, я назвал его Антоном, все было гораздо сложнее. В роддоме мне его не отдали. Заявили, что по состоянию здоровья малыш должен находиться в стационаре под присмотром врачей. Удалось добиться только справки о рождении. Я тут же оформил метрику. В ЦКБ, куда мальчика перевезли из роддома, он попал уже как Антон Маслов: мои друзья следили на проходной больницы, чтобы его зарегистрировали как по-

ложено. Это была небольшая, но все-таки победа. Теперь вывезти сына за границу было гораздо труднее. Меня пускали в больницу, разрешали гулять с моим мальчиком, но рядом постоянно был человек из ЦКБ. Одно время я хотел выкрасть Антона — спрятать его в семье своей приятельницы-корейки и выдать за ее ребенка. А себе взять из дома малютки другого ребенка восточной внешности на тот случай, если Ле Зуан решит вывезти внука без моего согласия. Разработал очень сложную комбинацию, но реализовать ее не удалось. И слава Богу — боюсь,

эта авантюра могла стоить мне жизни.

Куратор из ЦК, осуществлявший связь между мной и семьей Ань, предложил компромисс — девочек оставить себе, а мальчика отдать деду: «Пусть поживет во Вьетнаме пару лет, а когда подрастет, его вернут. Вы всегда сможете поехать к родственникам жены и повидать Антона». В стране приближались выборы, которых так боялась Ань. По-видимому, прокитайская группировка заявляла, что Ле Зуану доверять нельзя. Он не может вести независимую политику, пока его внуки находятся в заложниках у Кремля. На волне

Свадьба Лены и Марка

Таня и Антон осели в Англии, а старшая, Лена, — в Нидерландах. Она замужем за голландцем из старинной провинциальной дворянской семьи

предвыборной горячки наши могли забрать у меня и всех детей, лишь бы помочь Ле Зуану остаться у власти. Я обещал подумать, стал тянуть время. Но давление усилилось. Меня пугали неприятностями на работе. Куратор сказал, что знает о «корейском варианте» — то есть о плане похищения с участием подруги-корейки. Это было серьезно. Бабка Бай Вань однажды заявила напрямик, что такого-то числа должна быть на родине с внуком: «Не хочешь по-хорошему — и не надо».

Сопротивляться дальше было бессмысленно, и я решил подстраховаться — оформил официальное разрешение на выезд сына на два года. В аэропорту ухитрился стащить советский паспорт Антона у пограничника, сфотографировать все страницы и подложить обратно. Мой друг зафиксировал на пленке отъезд мальчика. В тот же день в Москве приземлился Ле Зуан. Он встречался с Брежневым. Из-за этой встречи (видимо, очень важной) и была такая спешка.

Вскоре я заболел. Началось все с пневмонии, потом обнаружили опухоль. Подозревали самое худшее, но обошлось — опухоль оказалась доброкачественной. В больнице лежал довольно долго, меня навещала Май. Она наверняка поговорила с врачами, узнала о моем предполагаемом диагнозе и рассказала о нем родственникам. Те сразу же подсуегились — обратились к советским друзьям с просьбой забрать дочерей у «умирающего» отца. Страшно подумать, чем это могло закончиться, если

бы я не выписался буквально за день до появления на нашем пороге инспектора по делам несовершеннолетних. Дама в чине капитана милиции пришла по официальному запросу райисполкома — рассмотреть возможность определения Елены и Татьяны Масловых в детские учреждения. Я не мог сказать ей всю правду, но дал понять, что в этом деле все не так просто, и посоветовал не спешить.

Через два года Антона не вернули. Еще два года я боролся за то, чтобы его все-таки привезли в Москву. Просил об этом всех родственников Ань. Наконец в Москву приехал ее брат Тхань. Мы встретились и нашли общий язык. Он поговорил с Ле Зуаном, и тот разрешил внуку повидаться с отцом и сестрами. Но приехал мой сын уже не Антоном Масловым, а гражданином Вьетнама Нгуен Ан Хуаном с вьетнамским же паспортом. Ле Зуан возвращать его мне не собирался. Наоборот — надеялся забрать и девочек.

По-русски сын не говорил, меня дичился и не отходил от вьетнамской няни, которая пресмыкалась перед ним как рабыня. Во Вьетнаме Антон был настоящим принцем: в доме ему отвели целый этаж.

Я надеялся наладить контакт с ребенком, но приехала вьетнамская бабушка, решившая отдохнуть в Крыму, и заявила, что в Москве мальчику

плохо. После отдыха она забрет его обратно во Вьетнам, а пока надо устроить внука в хороший детсад на все лето. Туда, так и быть, она разрешит приезжать мне и девочкам. При нашей беседе присутствовал достаточно высокопоставленный сотрудник международного отдела ЦК, выполнявший функции переводчика. Он видел, как я возмущен, и советовал мне не кипятиться и постараться достичь соглашения с властной тещей. Похищать Антона бессмысленно: он гражданин Вьетнама и его у меня тут же отберут.

Но я не собирался сдаваться. На дворе уже стояли со-

всем другие времена, у руля Страны Советов был не Брежнев, а Горбачев. Да и я за эти годы успел стать академиком и лауреатом Ленинской премии. Написал заявление с просьбой вернуть сына и пошел по инстанциям. Куда только не обращался — в МВД, МИД, ЦК КПСС. Мне везде сочувствовали, но помогать отказывались. Говорили, это не в их компетенции. Однажды поделился с хорошей знакомой — секретарем президента Академии наук. Она посоветовала обратиться к Анатолию Громыко — сыну председателя Президиума Верховного Совета СССР Андрея Андреевича Громыко, близкого к Гор-

Их дочь и моя внучка Анна

Сын не женат и, боюсь, женится не скоро. Видимо, пошел в меня

ре бутылки смирновской водки, которую тогда продавали только в цековских заказах, и они с нетерпением ждали высадки «вьетнамского десанта». Вскоре он действительно высадился. Бай Вань получила достойный отпор и была вынуждена ретироваться. Но директриса настояла, чтобы я забрал Антона: «Второго наезда я не выдержу. Вы не представляете, что нам пришлось пережить!» Поговорил с друзьями, и они нашли для нас дом в Белоруссии — в самом глухом углу Беловежской Пущи. В радиусе пяти километров не было ни единой живой души. Там мы и провели несколько меся-

Конечно, я был бы рад, если бы дети жили рядом, а не за тысячи километров. Но так уж сложилась жизнь. Я общаюсь с ними по скайпу

бачеву, и устроила нам встречу. Громыко-младший был директором Института Африки АН СССР. Я рассказал ему нашу с Ань историю, показал фотографии с женой и детьми. Анатолий Андреевич был растроган. Сказал: «Пишите заявление на имя Горбачева. Я обещаю, что он его получит и прочтет. И фото приложите. Особенно вот это, с детьми. Оно посильнее любого письма». Я сделал, как он велел, и вместе с фото приложил еще заявление Ань, напи-

санное в 1978 году. Через несколько дней не выдержал и позвонил Громыко. Он сказал: «С вашей точкой зрения ознакомился». И все. Я не знал, что думать, как действовать.

Антон, чтобы угодить бабушке, устроил в детский сад Четвертого управления, находившийся недалеко от моей дачи. И договорился с директором, что она никому кроме меня мальчика не отдаст. Охранники обещали позвонить, если на территории появятся «диверсанты». Я посулил им четы-

цев — Лена, Таня, Антон, их няня и я. В Пуще был настоящий рай. Дети до сих пор вспоминают девственный лес, поляны грибов и ягод, почти ручных зверей и птиц. К дому приходили олени, пугавшие няню. Неподалеку гуляли зубры. В Белоруссии Антон стал совсем другим, подружился с сестрами и начал немного говорить по-русски.

Я не получал вестей из Москвы, но надеялся на лучшее. Думал, что Горбачев не захочет второго Сахарова — ака-

демика-диссидента. Чтобы отвоевать детей, я был готов на все, даже на международный скандал. Через несколько месяцев от своего вьетнамского друга, близкого к семье Ань, узнал, что Ле Зуан отказался от идеи забрать внуков. Сказал: «Раз отец так любит детей, пусть они остаются с ним». Видимо, наши страны наконец пришли к консенсусу по этому вопросу, Горбачев и Ле Зуан договорились оставить в покое нашу семью. На этом мои мучения закончились. А еще через год Ле Зуан умер.

В конце восьмидесятых и в девяностые я поездил по миру. В качестве приглашенного профессора читал лекции в

США, Англии, Франции. В нашей стране тогда наступили нелегкие времена. Наука захирела, ученым платили копейки, а у меня на руках — трое детей. Надо было как-то зарабатывать. Но я никогда не думал о том, чтобы остаться за границей. Дети всегда ездили со мной, как и вторая жена Ирина. Мы поженились в 1991 году. С Ирой я был знаком давно, еще при жизни Ань. Она ее ровесница. Ира лингвист, кандидат наук. После смерти Ань, как и многие мои друзья и приятели, она помогала мне с детьми. Для меня ее отношение к ним было не менее важно, чем наши чувства. Ира — удивитель-

ная женщина. Когда мы поженились, она решила не заводить еще одного — нашего общего с ней ребенка, чтобы не стать мачехой, а полностью заменить мать Лене, Тане и Антону.

Наши дети живут за границей, хотя в юности этого не планировали и учились в МГУ, а не где-нибудь в западном вузе. Но потом в Москву нахлынули люди с азиатской внешностью. И стали возникать проблемы. С Таней, к примеру, был достаточно неприятный случай прямо на нашей даче. Милиционер, приходивший совсем по другому поводу, случайно увидел ее и принял за нелегальную

Антон каждый год приезжает в Москву и на Селигер — там у нас дом

эмигрантку из Средней Азии, а меня чуть не обвинил в «укрывательстве». Таких ситуаций было много и далеко не безобидных. Мы собрали семейный совет и решили, что ребятам лучше перебраться в Европу, где привыкли к многонациональности. В результате Таня и Антон осели в Англии, а старшая, Лена, — в Нидерландах. Она замужем за голландцем из старинной провинциальной дворянской семьи. Он бизнес-аналитик и когда-то был клиентом анг-

лийской компьютерной фирмы, в которой работала Лена. Роман начинался в Англии. После женитьбы молодые поселились в Голландии, в маленьком городке в часе езды от Амстердама. Лена — архитектор компьютерных программ, в своей профессии уже достигла максимума. Она просто уникальный специалист, на фирме ее очень ценят, создают самые комфортные условия для работы. Ведь у нее маленький ребенок — в прошлом году родила дочку Анну.

А Таня в этом году — сына Оскара. В Москве Таня окончила МГУ по специальности «лингвистика», в Англии сменила профессию и, как и Лена, стала программистом. Живет в пригороде Бристоля с мужем-англичанином. Таня с детства обожала животных и в Англию поехала со своими двумя собаками и кошкой. Антон окончил у нас ВМК — факультет вычислительной математики и кибернетики. Он тоже связан с компьютерами и живет неподалеку от сестры. Сын

ФОТО: А. АНТОНОВ/ТАСС

Мы с Ирой большую часть времени проводим на даче. Здесь и отдыхать хорошо, и работать. Я продолжаю заниматься наукой, это доставляет огромное удовольствие, у меня много незавершенных работ. На полной ставке остаюсь в МИЭМе. Институт значительно укрепился, став частью Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Это полностью совпало с моими научными планами и способствовало вдохновению и творческому энтузиазму. Помимо этого я научный сотрудник Института проблем механики РАН и заведую кафедрой квантовой статистики и теории поля на физфаке в родном МГУ. В 2013 году уже в третий раз стал лауреатом Государственной премии — за вклад в разработку математических основ современной термодинамики.

Когда работаю, чувствую на себе взгляд Ань. В кабине-

уехала куда-то. Было время, я подумывал о том, чтобы отдать дань памяти жены: съездить «к ней» во Вьетнам. В конце девяностых приглашали преподавать в Гонконге. Расстояние от него до Хошимина, где живет Бай Вань, относительно невелико. Поразмыслив, я отказался. Для детей переезд в Гонконг мог стать слишком серьезным стрессом, пришлось бы адаптироваться к совершенно другому климату, воде, еде. Я боялся, что они разболеются. Потом, уже взрослыми, Лена, Таня и Антон дважды ездили во Вьетнам и встречались с родней. Их принимали по-королевски. В стране свято хранят память о Ле Зуане, почти как у нас при социализме — о Ленине. В каждом городе есть улица или площадь его имени. И к внукам вождя относятся с почтением. Вдова его жива. Бай Вань около девяноста.

Ань завещала мне наших детей. Она хотела, чтобы они

Ань завещала мне детей. Она хотела, чтобы они воспитывались в русских культурных традициях. Без Иры я не смог бы выполнить ее завещание

не женат и, боюсь, женится не скоро. Видимо, пошел в меня.

Конечно, я был бы рад, если бы дети жили рядом, а не за тысячи километров. Но так уж сложилась жизнь. Я общаюсь с ними ежедневно — по скайпу. В Россию они приезжают каждое лето и почти сразу отправляются на Селигер, у нас там загородный дом.

те много лет висит ее большой фотографический портрет. Мне кажется, Ань довольна тем, как сложилась жизнь наших детей. Во всяком случае, взгляд у нее хотя и строгий, но, по-моему, одобрительный. Она часто мне снится, молодая и счастливая.

Иногда у меня такое чувство, что Ань не умерла, просто

жили в СССР и воспитывались в русских культурных традициях. Без Иры я не смог бы выполнить ее завещание. Главное — дети ни разу не почувствовали себя сиротами. И без Ирины они так не впитали бы в себя нашу культуру и дух. Поэтому остаются русскими, где бы ни жили.